

ОБРАЗ НЕМЦА В ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ЯНИНА КУРСИТЕ-ПАКУЛЕ

К истории вопроса. Длительное время образ немца в латышской (как и в эстонской) литературе и публицистике чаще всего представлял «чужого». Несмотря на то, что в балтийском пространстве присутствовала довольно заметная и влиятельная русская диаспора, основное внимание эстонской и латышской литературы сосредотачивалось на балтийской немецкой диаспоре и ее представителях, а через них сложился образ типичного немца.

Как показывает ряд публикаций С. Г. Исакова, и для балтийских русских точкой фокусировки и темой постоянных сравнений также была местная немецкая культура и немцы вообще. Так, например, для студента Дерптского ветеринарного института, уроженца Петербурга, Г. Н. Рундберга (1859–1884) постоянной темой в переписке является обсуждение немецкого компонента в Дерпте: «Русские здесь во всем как-то ступенька ниже. Есть русские и онемеченные с претензией на образование немцев»; «Дерпт, конечно, не нравится по слишком немецкому образу жизни, но в остальном здесь, как вообще в провинции, жить вольготнее, привольнее» [Исаков: 95, 96].

Если говорить конкретно о латышской литературе вплоть до Второй мировой войны, то образ немца был наиболее частым образом *не-латыша*. После войны как в латышской литературе в Латвии, так и в ее эмигрантском крыле, немца заместил русский: в советской Латвии представленный только как положительный образ, в эмигрантской литературе — как амбивалентный.

Своеобразие взаимоотношений между живущими рядом или по соседству народами начинает выявляться, уже начиная с того, как они друг друга называют. В наименовании дальнего соседа обычно не присутствуют каких-либо негативных

оценочных значений. По отношению к ближайшим соседям довольно часто берется географически ближайшее название и переносится на весь народ (например, эстонцев латыши называют *igauņi*, по названию некогда соседствовавшей с ними земли Uganda), но часто в основе обозначения соседних народов был заложен отрицательный, а точнее — не совсем нейтральный смысл. Так, немец по-латышски — *vācietis*. В основе слова — индоевропейский корень *uek — «невнятно, громко говорить» [Karulis: II, 464]. Однокоренное слово ‘*vēkšķēt*’ — «выражать недовольство голосом», но и «протяжно плакать, выть». В русском языке имеется родственное слово *вякать*, что тоже означает и «плакать, клянчить», и «болтать», и «протяжно, невнятно говорить» [Фасмер: I, 375]. По-видимому, первоначально *vācietis* — это тот, кто, с точки зрения латыша, говорит невнятно и как бы неправильно¹. Трудно сказать, какое из названий предпочтительнее, «мягче» — русское *немец* (от *немой*) или латышское *вацietis* — «невнятно, неправильно говорящий», оба — по современным меркам — не отличаются политкорректностью. Что касается названия *вацietis* — почти никто из говорящих на латышском уже не осознает обидной этимологии слова, она больше не прочитывается, как, впрочем, и изначальное значение слова *немец* на русском языке.

Образы англичанина, француза или даже литовца или эстонца воспринимались и изображались в латышской литературе как представители *другого* пространства, поэтому взгляд писателя на них был более или менее отстраненным, можно даже сказать — нейтральным. Другое дело — немцы, это, в основном, жители одного с латышами пространства — остзейские или балтийские немцы. Многие из них были потомками тех, которые колонизировали Балтию в XIII или XIV вв., неся с собой христианство, а также более высокую культуру быта. Большая часть привнесенного со временем была латы-

¹ Иногда оценочное значение приобретает дополнительно. Так, например, от этнонима «латыш» происходит русское диалектное значение «латыш — неразборчиво говорящий человек; латышить, латышать — говорить нечисто, картавить» [Фасмер: II, 466].

шами воспринята, но сознание того, что христианство и новые возможности техники и пр. вводились силой, сохраняло у латышей если не ненависть, то во всяком случае недоброжелательное отношение латышей к немцам (как, впрочем, и немцев к латышам). Это явно прочитывается в фольклоре и в латышской литературе конца XIX – начала XX вв. (взгляд латышей на немцев), в исторических хрониках и литературных произведениях балтийских немцев, фиксирующих, в основном, нелицеприятный взгляд немцев на латышей. Так, например, немецкий литератор, пастор Христиан Ленц (1720–1798), в книге проповедей, предназначенной для латышской паствы (“*Spreidiķu grāmata*”, 1764–1767), с осуждением писал:

Некоторые из вас, землепашцев, так слепо верят, что все богатые немцы попадут после смерти в ад, а вы сами станете святыми только по бедноте своей. Другие из вас еще с усмешкой говорят, что когда богатые немцы будут в аду, тогда мы, бедные крестьяне, подвезем дрова, чтобы огонь под ними не потух [Lencs: I, 1205].

Христиану Ленцу, симпатизирующему духовному движению гернгутеров, противопоставление латышей немцам (как «хороших» и «плохих») было не по душе, и на недопустимость этого он неоднократно указывал:

Вы, нелюбезные латыши, иногда к чужестранцам бываете так жестоки и несправедливы. Только потому, что чужой является немцем, вы не показываете ему дорогу. Один врет, на вопрос, куда дорога ведет, отвечая, что не знает, другой настолько безбожен, что чужому указывает неправильную дорогу [Там же: I, 1509].

Но и со стороны балтийских немцев отношение к латышам было не лучше. Если и проскальзывала симпатия, то только к тем представителям латышей, которые постепенно «подтягивались» к более высокому стандарту жизни немцев: «О если бы милосердный Бог дал бы нам дожить до времени, когда по всей Курляндии и Лифляндии был бы один народ, один немецкий язык!» [Stenders].

Противопоставление «латыш – немец» как в коллективном сознании жителей балтийского пространства, так и в латышской литературе вплоть до начала XX в., в основном, передавалось рядом устойчивых бинарных оппозиций: *холоп – господин, землелашец – землевладелец, неграмотный – образованный* и т.п. Латышская культура долгие века сохранялась и держалась на устной традиции, немецкая, в том числе и остзейская, — на письменной традиции. Когда в 1856 г. вышла книга стихов (“Dziesmiņas”) латышского поэта Юриса Алунанса с национально романтическими идеями, остзейский пастор Густав Браже не без сарказма писал:

Судьба этого маленького народа такова, какова судьба других таких же народов, которые неизвестно откуда и как на севере появились, умирают уже во чреве матери. Стоит вспомнить только ливов, криевиньшев² и наиболее выносливых из них — эстонцев. У латыша нет своего национального прошлого, поэтому он не знает и не думает о национальном будущем. Он знает себя только как члена своего сословия [Blaumanis: 12].

Образ немца в фольклоре. Об этом важно упомянуть хотя бы вскользь, потому что именно на фольклорных стереотипах основывается латышская литература на начальных этапах своего развития. Образ немца в фольклоре более некорректен и непривлекателен, нежели сама этимология латышского слова *ваццетис*. По всей вероятности, в основе данного нелестного представления лежит вера в магическую силу слова. Латыши «отыгрывались» за свое подчиненное положение, за несвободу едкими словами своих народных песен, преданий и даже бытовых сказок, в которых немец в конце концов остается в дураках. В народных песнях немец не такой, как принято у латышей, немец — антипод того, каким принято быть уважаемому человеку, соответствующему определенным физическим и умственным стандартам: у немца, на взгляд латыша, слиш-

² Krievīņi (криевини) — финноугорское племя вотов, которых привез в качестве военнопленных Ливонский магистр в середине XV столетия и поселил среди латышей в Земгалии.

ком длинные шея и нос, и такие же слишком длинные ноги, в общем, все «не то». Латышские крестьяне мстили словом:

За долгие века национального гнета и крепостничества местные балтийские помещики были главными врагами бесправных латышских крепостных, и против немцев в самых многообразных формах и способах проявлялась как активное, так и пассивное сопротивление и ненависть. Поэтому и в фольклоре (в народных песнях) латышка, как правило, с отвращением и презрением отвергает сватовство жениха-немца. С осуждением и с нескрываемой издевкой изображаются в песнях те из латышек, которые ожидают жениха — немца [Rozenbergs: 40].

Образ немца в литературе на латышском языке XVIII – первой половины XIX вв. Латышская литература до середины XIX в. находилась в руках остзейских немцев. Они в своих текстах, будь то поэзия на латышском языке Готхарда Стендера (1714–1796) или проза, скажем, Матиса Стобе (1742–1817), рисовали образ разумного немца, который посредством литературных образов учит латышского крестьянина как правильно, разумно жить. Так, в литературном приложении к периодическому изданию “*Latviska laika grāmata*” (1797–1817) в художественной форме и в дидактической манере противопоставлены «правильные» христиане, они же немцы, и «неправильные» христиане — латыши. «Неправильные» потому, что не справляют воскресенье, а придерживаются своих языческих праздников и отмечаемых дней. Действующие лица рассказа — латышская девушка и немецкий пастор. Пастор в конце разумно убеждает девушку не праздновать языческий выходной — так называемый *riektvakars* (имеется в виду вечер на исходе четверга), а праздновать христианское воскресенье. В конце диалога девица говорит: «Спасибо, уважаемый пастор! После проповеди вашей я гораздо умнее стала. Пусть Бог вас наградит за такие хорошие наставления!» [*Latviska laika grāmata*: 48]. Нигде не говорится прямо, что немцы умные, а латыши неразумные, но это и так ясно, ибо пасторы в то время — всегда немцы, а крестьяне — латыши. Так как данное периодическое издание выписывало довольно много латышей, то образ разумных немцев — помещика или пастора, которые

по отечески заботятся о своих крестьянах — просуществовал вплоть до середины XIX в., когда в литературу вошло поколение так называемых младолатышей, которые в своем творчестве поменяли местами прежние знаки плюс и минус.

В конце XVIII в. вышел сборник стихотворений Готхарда Стендера, где нет латышей или немцев, но есть пахари, которые пашут по мудрым советам помещиков, есть дети, они же латыши, и есть отцы (т.е. немцы), которые сеют разумное и доброе в умах своих детей путем просвещения и Божьего слова. Одним словом — полная идиллия, во всяком случае в поэзии Стендера.

Немногочисленные из латышей — писатели XVIII и первой половины XIX в. также следовали данной традиции. Но параллельно с литературной традицией существовал латышский фольклор с гораздо большим охватом не читателей, а именно слушателей, где не было и следа умного-разумного немца. Это были две художественные данности, которые друг с другом не соприкасались, и в них отразились два совершенно противоположных образа немца.

Немцы в литературе эпохи национального романтизма. Во второй половине XIX в. в латышской литературе, которую создавали в основном уже сами латыши, они посредством художественного слова сполна отыгрались на немцах. Наиболее яркие образы немцев как представителей тьмы, мрака созданы в литературном эпосе Андрея Пумпурса «Лачплесис» (1888 г.), действие которого отнесено к XII–XIII вв. — в далекое и во многом мифологизированное прошлое. В одном — негативном — ряду поставлен Черный рыцарь, персонификация всех немецких колонизаторов, предводитель рыцарей Дитрих, а также представители немецкого духовенства, силой насаждающие христианство; в противоположном ряду — культурный герой Лачплесис, его помощница Лаймдота, а также адепты языческой религии. Битва между представителями двух миров кончается тем, что и Лачплесис, и Черный рыцарь падают, сраженные друг другом, в реку Даугаву, но «придет день, когда Лачплесис победит своего врага, народ станет сво-

бодным и, конечно, счастливым». Немцы во всей литературе национального романтизма изображались — за очень редкими исключениями — в негативном ключе.

Литература начала XX в. После народного бунта 1905 г. и последующей жесткой реакции со стороны немецких помещиков негативный образ немцев в литературе только сгустился. Это и пьеса Яна Райниса «Огонь и ночь» (1905 г.), и многие другие произведения. О невозможности личного счастья между латышским предводителем войск и немкой — дочерью немецкого комтура пишет Райнис в пьесе «Индулис и Ария» (1911). Действие пьесы, основанной на предании, приведенном в “Älteste Livländische Reimchronik” середины XIV в., отодвинуто Райнисом в XI век, время колонизации немцами балтийских земель. Разница культур, политических намерений немцев и латышей, как показывает Райнис, приводит к невозможности продолжительного диалога и понимания. Хотя главный герой пьесы Индулис и принимает крещение, он остается чужим — волком, как его именует немецкий комтур, дочь которого Ария вышла замуж за Индулиса: «Сама видишь, что ошиблась, ты волка хотела обратить в немца» [Rainis: 218].

На общем негативном фоне образа немца в латышской литературе начала XX в. особняком стоят произведения двух писателей — драматурга Рудольфа Блауманиса (1863–1908) и прозаика, а также политического деятеля Андриева Ниедра (1871–1942). Для Блауманиса каждый (независимо — немец или латыш) таит в себе добро и зло, и человек может проявляться как светлой, так и темной стороной. Как Блауманис, так и Ниедра отрицательно относились к революционному бунту 1905 г., где проявилась стихийная, долго сдерживавшаяся ненависть латышей к немцам, особенно к немецким помещикам, а часто и к самим поместьям, которые подвергались грабежу и огню.

Литература последующих лет. Большое значение, в основном, отрицательное, имел массовый отъезд балтийских немцев в 1939 г. как следствие договора Молотова – Риббентропа. В Москве, якобы, ходила издевательская частушка: «Спасибо

Яшке Рибентропу, / Что он открыл окно в Европу» [Lamejs: 175]. Уехать добровольно согласились 71% балтийских немцев из Латвии и 65% немцев из Эстонии [Там же]. Карлис Ульманис, президент Латвии, по этому поводу произнес речь, исполненную плохо скрываемой неприязни к немецкому началу. Суть речи Ульманиса — в ее конечной части:

Одна часть наших жителей покидает нас. Это немцы. Уезжают и такие, которым вдруг показалось, что они тоже немцы. Пусть они едут! И пусть им там хорошо живется. Но одно пусть они знают. Они уезжают безвозвратно: *Viņi brauc uz neatgriešanos!* [Janovskis: 175].

Массовый отъезд немцев поверг в шоковое состояние как латышей, так и многих прибалтийских немцев. Во-первых, предки многих немцев проживали на Балтийской земле уже не одно столетие, во-вторых, у довольно многих были личные мотивы остаться — карьера, семья, любовь. Через несколько десятилетий (поскольку сразу за событиями 1939 г. наступил черед оккупаций — советская, фашистская и опять советская) в латышской эмигрантской литературе тема отъезда немцев получила художественное отображение. Одно из наиболее ярких произведений на данную тему — это роман Гунара Яновскиса «До невозвращения» (“*Uz neatgriešanos*”, 1977). В романе — две оси, вокруг которых движутся события.

Первая: дилемма — какая из двух сил, какое из двух зол предпочтительнее для Латвии, немцы или русские. Для героев романа это выбор между национал-социализмом и коммунизмом, выражаемых посредством образов немца и русского: «Русские все же лучше немцев. Я еще помню карательные экспедиции 1905 года. Я своими глазами видел, как моего отца расстреляли у яблони в саду» [Яновскис: 177]. В романе представлено и противоположное мнение:

Да, в далеком прошлом наши племена были родственны. Но на наше развитие повлияли совершенно противоположные факторы. На русских повлияли монголы, Петр Великий и новая религия о рабочем рае. На нас повлияли немцы, культура Европы и борь-

ба за независимость. Мы были и остались чужаками, хотя и два столетия жили под российским царем [Яновскис: 178].

Второе — невозможность остаться вместе с добрыми, с лояльными к Латвии немцами. Роман Яновскиса вообрал в себя трагичность положения обеих сторон — и латышей, и балтийских немцев, ни у одной из сторон в данной ситуации не было выхода, а если казалось, что выход есть, то он приводил только к ухудшению общей ситуации.

Сознательно опускаем рассмотрение образа немца в латышской советской литературе 1940–1950 гг., где любой немец характеризуется путем привлечения зоологического кода, начиная от собаки, волка и кончая фантастическими чудовищами. Это любопытный материал для фольклориста, и не только для фольклориста, но мало продуктивный для историка литературы, поскольку это не литература в обычном смысле слова. Здесь можно лишь упомянуть некогда переведенные на многие языки народов СССР (и в первую очередь, на русский), изданные большими тиражами романы Вилиса Лациса (например, [Lācis]) и Анны Саксе [Sakse].

Начиная с 1960 гг. и по сей день образ немца в латышской литературе, если и встречается, то эпизодически. Пожалуй, самый часто упоминаемый немец за последние годы — канцлер Ангела Меркель, но пока она не стала литературным персонажем.

Образ немца в латышской литературе в целом не обладал положительными коннотациями, хотя и не всегда был примитивно отрицательным и однозначно негативным. Латышские писатели не смогли (в силу субъективных или идеологических причин) в своих произведениях показать перспективы будущего диалога в его проекциях в прошлое или в настоящее. Доминанта этнических стереотипов по отношению к балтийским немцам, а через них — к немцам вообще так и осталась незыблемой:

Говоря об этнических стереотипах, обычно приводят строгое разделение по оппозиции *свой/чужой*: какими видим себя мы и какими видят нас *другие*. ИмPLICITно предполагается, что эти

представления должны быть противопоставлены. Однако опыт показывает, что противопоставлены они бывают не по основным, а по второстепенным признакам, причем это противопоставление носит оценочный и при этом идеологизированный и/или эмоционально-экспрессивный характер и может быть направлено «в обе стороны» в зависимости от ситуации [Цивьян: 11].

Актуализация исторической памяти. Несмотря на довольно однообразную картину в изображении немцев, в последние годы все же заметны попытки к отходу от самого устойчивого этнического стереотипа, согласно которому немец в латышской литературе — это не только чужой, но и по своей сущности враждебный человек. В последние годы в литературоведческих исследованиях латышских авторов все большее внимание уделяется пересмотру литературного наследия балтийских немцев (см.: [Cegūzis; Dribins, Spārītis; Grudule; Kļaviņš]). В какой-то мере это попытка связать воедино некогда разделенное жизненное и литературное пространство латышей и балтийских немцев, тем более что для этого уже не существует реальных преград: балтийские немцы уже более 70-ти лет не живут в Балтии, их диаспора здесь — дело прошлого. Но и прошлое необходимо пересмотреть, найдя в нем не только контрастный стереотип «черного/белого». Балтийские немцы были зачинателями литературы на латышском языке, их литературные вкусы оказали несомненное влияние на литературу, которую впоследствии развивали уже сами латыши.

После Второй мировой войны Европа хотела забыть трагический опыт XX в. и заодно — опыт культурного сосуществования на балтийском пространстве. По-видимому, настало время пересмотреть опыт прошлого: это ощущается в стремлении литературоведов актуализировать дискурс исторической памяти, внедряя толерантное отношение не только к категории *другой*, но и к категории *чужой*³.

³ «Мысль, по которой отношение к Другому основано на том, чтобы всегда видеть в нем Ближнего <...> Ее распространение на отношение между разными странами, культурами, религиями, этническими и социальными группами указывает на возможность

В 2005 г. в Калининграде прошла международная конференция, в которой участвовали писатели и литературоведы двенадцати государств Балтийского региона (в широком понимании этого слова). Один из организаторов, поэт и переводчик Кляус Юрген Лидке, ссылаясь на книгу Кроцкога, писал в сборнике докладов конференции:

«Можно ли с помощью вспоминания вернуть то, что утрачено», — спрашивает фон Кроцков в своей книге со специфически немецким названием *Heimat* — *Родина*. Он пишет о возможности создать искусственным путем новые традиции после того, как старые уничтожены, наподобие произведений искусства. Как по-другому совладать с таким переломом в истории? Я пришел к выводу, что балтийский компонент в немецкой литературе утрачен, но его можно восстановить как *art memoiré*. Я считаю, что именно *art memoiré* позволяет найти свое место в истории после долгого травматического периода [Liedke: 7].

По-видимому, попытка пересмотра образа немца в истории латышской литературы и попытка искусственного воссоздания — «вспоминания» прежней традиции, в том числе, прежней традиции сосуществования двух народов (хотя и не всегда безоблачного) для латышской культуры стали бы обогащающим и обновляющим фактором.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов: *Иванов В. В.* Приветствие конференции «Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе» // Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе, I. Калининград, 2008. С. 10–13.
- Исаков: *Исаков С.* Из архивных «мелочей» // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. Тарту, 2010. Вып. 5. С. 94–121.
- Фасмер: Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. СПб., 1996.
- Цивьян: *Цивьян Т. В.* Семиотические путешествия. СПб., 2001.

выхода из тупика, в котором оказалось современное человечество» [Иванов: 12].

- Blaumanis: *Blaumanis R.* Kopotī raksti. Rīga, 1993. T. 2 [Собрание сочинений].
- Cerūzis: *Cerūzis R.* Vācbaltiešu fenomens // Kultūras Diena. 2005. № 10. 18.VI [Феномен балтийских немцев].
- Dribins, Spārtītis: *Dribins L., Spārtītis O.* Vācieši Latvijā. Rīga, 2000 [Немцы в Латвии].
- Grudule: *Grudule M.* Vācbaltiešu literatūra 1890–1939 // Vācu literatūra un Latvijā 1890–1945. Zinātne, 2005. 411–556 lpp. [Литература балтийских немцев в Латвии].
- Janovskis: *Janovskis G.* Uz neatgriešanās. Rīga, 1973 [До невозвращения. Роман].
- Karulis: *Karulis K.* Etimoloģijas vārdnīca. Rīga, 1992. T. 1–2 [Этимологический словарь].
- Kļaviņš: *Kļaviņš K.* Baltijas vāciešu un latviešu kopīgā pagātne // Diena, 2005, 19.III [Общее прошлое балтийских немцев и латышей].
- Lācis: *Lācis V.* Uz jauno krastu. Rīga, 1953 [К новому берегу. Роман].
- Lamejs: *Lamejs B.* Rīgas kaķu ķēniņš un citas kāda ārzemju korespondenta atmiņas. /b.v./, “Grāmatu Draugs”, 1979 [Рижский король кошек и другие воспоминания иностранного корреспондента].
- Latviska laika grāmata. 1797. T. 2 [Латышский временник].
- Lencs: *Lencs K. D. (Lenz).* Sprediķu grāmata par tiem svētdienu un svētku evangeliumiem. Rīga, 1764. T. 1 [Книга проповедей].
- Liedke: *Liedke K. J.* The Spirit of Kant and Königsberg as a Point of Reference for Today's Cooperation in the Baltic Sea Region // Baltic Meetings. Kaliningrad 17–21 June 2005. Proceedings. 2005. P. 5–9.
- Rainis: *Rainis.* Kopotī raksti. Rīga, 1980. T. 10 [Собрание сочинений].
- Rozenbergs: *Rozenbergs J.* Tautas un zemes latviešu tautasdziesmās. Rīga, 2005 [Народы и земли в латышских народных песнях].
- Sakse: *Sakse A.* Pret kalnu. Rīga, 1948 [В гору. Роман].
- Stenders: *Stenders A. J.* Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas. Jelgava, 1805 [Стихотворения и литературные сказки / Предисловие].